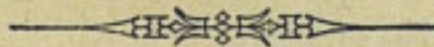

Киръ Козминъ.

37.54.3.278.

БЫЛОЕ.

(Изъ жизни Архангельскаго Сѣвера).

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Губернская Типографія.
1913.

Б ы л о е.

(Изъ жизни Архангельскаго Сѣвера).

Извѣстный радѣтель Сѣвера, положившій не мало трудовъ и средствъ въ многолѣтнихъ своихъ попыткахъ на развитіе промышленности этого края, М. К. Сидоровъ въ 1866 г. читалъ записку о нуждахъ Архангельскаго Сѣвера въ засѣданіи Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества.

По поводу этой записки одинъ изъ присутствовавшихъ членовъ этого общества—В. Э. Долинскій—высказался: вдругъ въ собраніи 3-го отдѣленія экономическаго общества живое слово Сидорова, какъ громомъ, поразило господствовавшую къ Сѣверному Краю апатию въ сферахъ общественныхъ и административныхъ; все и вся заговорило о Сѣверномъ Краѣ. Многие осуждали записку Сидорова, даже издѣвались надъ нею; встрѣчались даже такія личности, что обвиняли уважаемаго всѣми предсѣдателя общества С. С. Лашкорева за то, что онъ допустилъ чтеніе въ обществѣ такой записки—защищающей русскіе интересы.

Записка Сидорова имѣла тѣ благотворныя послѣдствія, что многие изъ указанныхъ въ ней ненормальныхъ порядковъ въ мѣстной администраціи замѣнены были болѣе рациональными. Кромѣ того, записка Сидорова вызвала доставленіе въ 3-е отдѣленіе отъ разныхъ мѣстъ и вѣдомствъ свѣдѣній и заключеній, и нѣкоторыя изъ нихъ, совмѣстно съ повсемѣстною жизнью края, и предназначаются главнѣйшимъ предметомъ настоящей статьи.

Упоминаемая записка Сидорова препровождена была 3-мъ отдѣленіемъ общества на разсмотрѣніе чрезъ архангельскаго губернатора въ мѣстный статистическій комитетъ, и губернаторъ Казначеевъ прислалъ въ общество слѣдующее заключеніе:

Воскресить и поднять на Сѣверѣ промыслы, торговлю, мореходство,—это такія задачи, которыя испугаютъ не только меня, но и самаго геніальнаго администратора. Впрочемъ, администраціи въ этихъ дѣлахъ приходится только стараться *не мѣшать*—*порой помогать*, а *творчество принадлежитъ народу*. Въ томъ-то именно и ошибка Сидорова и другихъ, что они предполагаютъ въ администраціи даръ творчества, котораго она имѣть не можетъ. *Творить можетъ только геній народа*, сообразно со степенью его образованія и развитія. Это тоже своего рода естественный ростъ, на который мастера нѣтъ, и который не нужно только задерживать. Дѣло это представляется здѣсь еще болѣе сложнымъ при условіи совершеннаго безлюдья, тупости и негодности административнаго элемента.

Другой архангельскій губернаторъ князь С. П. Гагаринъ также далъ отзывъ на записку Сидорова въ слѣдующемъ:

Обильныя естественныя силы нашей страны эксплуатируются слабо; между тѣмъ, великія умственныя силы русскаго человѣка и

неодолимая его энергія, способная при иныхъ условіяхъ произвести чудеса, въ огромномъ большинствѣ случаевъ *тратятся безплодно и далеко не приводятъ къ возможнымъ результатамъ*. Нигдѣ нравственныя силы русскаго человѣка не раскрываются такъ ярко, какъ на нашемъ дальнемъ Сѣверѣ. *Его обитателю особенно тяжела борьба за существованіе: все, что щедро доставляетъ природа человѣку въ друиыхъ мѣстахъ, здѣсь онъ принужденъ брать мужествомъ, съ боя труднаго и невѣрнаго*. Нигдѣ результатъ труда не соотвѣтствуетъ столь мало потраченнымъ усиліямъ.

Нравственная сила, какою обладаетъ русскій человѣкъ, всего лучше можетъ быть изучаема на промышленникѣ Архангельской губ. и, *однако же, этотъ нравственный образчикъ нашихъ племенныхъ свойствъ едва обезпеченъ въ своемъ существованіи*. Гдѣ причина такого положенія края, безспорно заслуживающаго лучшей участи? Причина, безъ сомнѣнія, въ томъ, что торгово-промышленное развитіе края было затруднено, или не пользовалось необходимой поддержкой и содѣйствіемъ. *Нашъ Бѣломорскій край былъ долгое время позабытымъ угломъ русскаго царства*. Время это теперь миновало. Отъ экономическаго общества дѣлаются заявленія, доказывающія, что общественная мысль въ сильной степени заинтересована дальнѣйшими судьбами Русскаго Сѣвера, что она, какъ будто бы, желаетъ исправить невольную, быть можетъ, ошибку.

Резюмируя то и другое мнѣнія архангельскихъ губернаторовъ, намъ представляется, что заключенія ихъ основаны были только лишь на теоретическихъ выводахъ. Фактически же слѣдуетъ признать ихъ мало обоснованными, какъ не отвѣчающія дѣйствительному положенію дѣла. Если бы лица тѣ взяли на себя трудъ изучить исторію края, безъ чего, казалось бы, невозможно дать никакого правильнаго заключенія о предметѣ дѣла, они убѣдились бы, что какъ геній сѣверянъ, такъ и творческая сила народа этого края въ свое время блистательно были проявлены и использованы съ блестящими результатами. Они не могли бы сказать тогда, что край этотъ представляется позабытымъ угломъ русскаго царства, и, убѣдившись въ дѣйствительныхъ причинахъ раззоренія края, постарались бы свято исполнять свой долгъ службы по званію начальниковъ края.

Признаемъ со своей стороны обязанностью доказать свои слова неопровержимыми фактами, взятыми изъ жизни Архангельскаго Сѣвера за минувшее столѣтіе.

За время царствованія Петра 1-го и Екатерины Второй, когда геній и творчество народа Сѣвера не встрѣчали ниоткуда *помъхи* на пути развитія въ краѣ торговаго флота, промышленности и мореплаванія, всѣ означенные виды промышленности находились въ высокой степени своего развитія и процвѣтанія, что доказывается наказомъ императрицы Екатерины II, въ которомъ сказано было: радуюсь, что коммерческой флагъ нашъ уже развѣвается на всѣхъ моряхъ.

За время изданія этого наказа, благодаря исключительно *генію и творчеству сѣверянъ*, въ Архангельскѣ числилось 40 русскихъ торговыхъ домовъ, *ведущихъ внѣшнюю торговлю на своихъ корабляхъ,—пять купеческихъ корабельныхъ верфей* *), 600 купеческихъ капитановъ и биржа, которую посѣщали мѣстное и пріѣзжее купечество.

Въ то время отпускъ товаровъ превосходилъ привозъ на 5 миліоновъ р. въ пользу *кореннаго русскаго купечества*, что по тогдашнемъ

*) Баженина, Крылова, Барбина, Зыкова и Пругавина (описаніе Арх. губ. Молчановъ, стр. 167).

оборотъ внѣшней торговли является громадной суммой. Было богатое купечество и во внутреннихъ городахъ Сѣвера, имѣвшихъ дѣло съ Архангельскимъ портомъ, какъ напр.: въ Вяткѣ, Орловѣ, Слободскомѣ, Котельничѣ, Вологдѣ, Устюгѣ, Никольскѣ, Сольвычегодскѣ, Устьсы- сольскѣ и др.

Миновало только 15 лѣтъ послѣ кончины императрицы Екатерины II, и въ Архангельскѣ не оказывается уже ни одного *русскаго торговаго дома* и ни одного *русскаго купца* на Архангельской биржѣ. Въ 1811 г. закрывается Архангельская биржа, и въ томъ же году упразднено было и министерство коммерціи. Прошло еще 15 лѣтъ, мы отдаемъ безвозмездно нашимъ сосѣдямъ лучшія мѣста, незамерзающія гавани на Сѣверномъ океанѣ *) и на 400 верстѣ морскихъ побережій и почти весь тресковый промыселъ и не видимъ уже у себя на Сѣверѣ ни одной купеческой верфи. Черезъ третьи 15 лѣтъ все населеніе Сѣвера приходитъ въ общее банкротство, въ общее обѣднѣніе отъ паденія заводовъ и фабрикъ и разоренія всего русскаго купечества. Мы допустили замѣнить ихъ на мѣстахъ первой производительности англичанами и нѣмцами и предоставили русскому купцу только приготовленіе съѣстныхъ припасовъ для городскихъ жигелей и тѣхъ же иностранцевъ и для разныхъ услугъ иностранному купечеству. Въ послѣднія 15 лѣтъ мы начинаемъ чувствовать и голодь на Сѣверѣ и выселять изъ приморскихъ мѣстъ и остальныхъ жителей, приглашая въ то же время къ заселенію ихъ шведовъ и норвежцевъ, и продавать имъ приморскія мѣста; если кто переселится на нашъ приморскій берегъ, предоставляемъ имъ за это такія мѣста, какихъ русскимъ въ томъ краѣ не давали.

Мы совершенно забываемъ, что императоръ Петръ Великій, три раза посѣтившій Сѣверный океанъ и всегда предпочитавшій море землѣ, говорилъ, что за каждый квадратный футъ моря дастъ квадратную милю земли. Мы забыли также и совѣтъ Оемистокла—сдѣлать надпись надъ чертогами государей: „Кто царь на морь, тотъ царь надо всѣмъ“.

Чтобы объяснить причины такого необыкновеннаго разоренія Сѣвернаго Края, необходимо выяснить слѣдующія обстоятельства:

Еще при жизни Петра Великаго иностранцы начали опасаться будущаго могущества Россіи отъ развитія на Сѣверѣ коммерческаго флота и торговли и потому начали употреблять всевозможныя средства и вліяніе для искорененія всего предпріимчиваго русскаго купечества, сначала чрезъ высшихъ лицъ, а потомъ уже чрезъ мѣстныхъ администраторовъ и наносить вредъ всѣмъ тѣмъ лицамъ, которыя будутъ заботиться въ Россіи о развитіи внѣшней торговли.

Первый поднялъ голосъ противъ преобразования въ Россіи современникъ Петра I-го англійскій министръ Вальполь, который предусматривалъ отъ развитія торговли и мореплаванія на нашемъ Сѣверѣ опасность и даже гибель Англій и Голландіи. Въ рѣчи своей въ парламентѣ министръ Вальполь сказалъ: „Если Россія возьметъ себѣ за образецъ Данію, учредить, ободрить и поддержитъ торговыя товарищества, то наша и голландская торговля въ состояніи ли будетъ устоять отъ этого пораженія? „Если держава, которая не знаетъ куда и какъ употребитъ своихъ людей, примется за умноженіе своихъ силъ и купеческихъ кораблей, тогда пропадутъ Голландіи и Англія. Возможность, какую Россія имѣетъ къ построенію судовъ, оправдываетъ мое безпокойство“.

*) Составлявшихъ неотъемлемую собственность Печенгскаго православнаго монастыря, согласно именныхъ царскихъ грамотъ, данныхъ на имя основателя монастыря преподобнаго Трифона.

Другой министр Гудскидсонъ продолжаетъ: „*Нужно употребить все зависящія отъ насъ мѣры, чтобы остановить въ Россіи развитіе торговаго флота и купечества*“.

Первымъ успѣхомъ иностранцевъ было то, что они остановили исполненіе плановъ Петра Великаго въ дѣлѣ развитія на Сѣверномъ морѣ китоловства, морского звѣроловства и ловли сельдей. Они остановили это дѣло такъ, что при всемъ стараніи не могла поднять это дѣло и императрица Екатерина Великая; а настойчивое желаніе Александра Благословеннаго окончилось сожженіемъ англичанами въ 1806 году, во время нашей войны съ Франціей, китоловнаго нашего корабля при выходѣ его изъ Колы, построеннаго министромъ коммерціи Румянцевымъ, при чемъ англичане переодѣты были въ форму французскаго флота.

И въ дальнѣйшее время англичане продолжали вліять черезъ наши печатные органы на остановку дѣла въ развитіи у насъ на Сѣверѣ китоловства. Такъ, въ одномъ изъ журналовъ министерства государственныхъ имуществъ въ половинѣ прошлаго столѣтія была проводится такая мысль: *люди не имѣющіе естественно-историческихъ свѣдѣній и не сильные въ зоологій, какъ, напр., Сидоровъ, въ состояніи возобновляютъ предположеніе завести у насъ ловъ китовъ у береговъ Лапландіи. Что же касается до поѣздки за морскимъ звѣроловствомъ на Новую Землю и Шпицбергенъ, то поѣздки эти были не правильнымъ промысломъ, а были своего рода азартною игрою, идѣ ставкою была жизнь человека. Что упадокъ новоземельскихъ и шпицбергенскихъ промысловъ послужилъ причиною того, что миновали неестественныя условія, которыя нѣкогда заставляли сѣверянъ заниматься рискованнымъ и малоприбыльнымъ дѣломъ и лишали ихъ возможности употреблять свои труды болѣе вѣрнымъ и экономическимъ образомъ“ **).

Вообще, кто осмѣливался высказать мысль о возможности развитія въ Сѣверномъ морѣ китоловства и звѣроловства, какъ, напр., Сидоровъ, много писавшій и читавшій доклады въ Вольно-Экономическомъ Обществѣ, въ нашихъ печатныхъ органахъ начиналась брань словами— „*неучъ и невѣжда*“. А между тѣмъ, почти въ то же время, именно, лѣтомъ 1868 года, близъ г. Колы и въ Варангерскомъ заливѣ **) норвежскій купецъ Фойтъ на десятиильномъ пароходѣ во время штиля въ каждый день выхода въ море убивалъ по одному киту, а иногда и по два, а всего имъ было убито 30 штукъ. Это доставило ему валового дохода 60.000 р., не считая тѣхъ остатковъ китовъ, которые остаются и могутъ принести также значительную пользу.

Второй успѣхъ иностранцевъ состоялъ въ томъ, что они захватили на Сѣверѣ въ свои руки всѣ лѣсные матеріалы, всю лѣсную торговлю съ цѣлію воспрепятствовать постройкѣ коммерческихъ кораблей, начиная съ самаго главнаго въ то время пункта, р. Онеги. Англичанинъ Гомъ получаетъ исключительную привилегію, въ прямой ущербъ кореннаго русскаго купечества, съ 1760 г. въ теченіе 25 лѣтъ вырубать наилучшій лѣсъ въ количествѣ 600.000 дер. ежегодно и не только безпошлинно, но еще съ выдачею на вспоможеніе для скорѣйшаго распространенія такой коммерціи 300.000 р. монетою, которые впоследствии

*) Сидоровъ, Сѣверъ Россіи, стр. 75—76.

*) Подареннымъ нами норвежцамъ въ 1826 г.

зачтены были ему въ награду *). Онъ строитьизъ казеннаго лѣса и на казенныя деньги торговые корабли, нагружаетъ ихъ лѣсомъ и отправляетъ какъ лѣсъ, такъ и корабли въ Англію. Послѣдователи Гома, другіе англичане, захватили систему рѣкъ С.-Двины и Пинеги и безпрепятственно продолжали свою дѣятельность. Въ 1862 году они захватили въ свои руки всю систему р. Онеги на 25 лѣтъ, съ стѣсненіемъ мѣстнаго населенія, и получили при этомъ немыслимыя для русскаго купца права и привилегіи,—на что государственный контроль и обратилъ своевременно свое вниманіе.

Насколько сильно было вліяніе иностранцевъ, и какъ способствовали имъ въ этомъ дѣлѣ русскіе администраторы, для примѣра можно указать на слѣдующій случай.

Въ 1819 году, когда разнеслась вѣсть о желаніи императора Александра Благословеннаго посѣтить Сѣверный Край, въ Архангельскъ прибыли по приглашенію архангельскаго 1-й гильдіи купца и владѣльца 20 собственныхъ кораблей на Сѣверѣ коммерціи совѣтника Попова всѣ остатки русскаго купечества. Государь по прибытіи въ Архангельскъ, когда выразилъ желаніе осмотрѣть военное адмиралтейство и военные корабли, сказалъ Попову, въ отвѣтъ на его приглашеніе, что ему пріятно будетъ, возвращаясь изъ адмиралтейства, пріѣхать на его, Попова, корабль и у него тамъ отобѣдать. Корабль Попова стоялъ тутъ же въ гавани. Поповъ пригласилъ къ обѣду и все прибывшее въ Архангельскъ сѣверное русское купечество для выясненія нуждъ и спасенія всего Сѣвернаго Края отъ неминуемой гибели. Но генераль-губернаторъ, желая угодить иностранцамъ, по осмотрѣ адмиралтейства отвлекъ вниманіе государя отъ корабля Попова разставленными по берегу, противъ этого корабля и далѣе, дѣвицами въ русскихъ нарядахъ, которыя были собраны изъ окрестныхъ деревень. Такимъ образомъ, государь незамѣтно доплылъ въ катерѣ до генераль-губернаторскаго дома. За вопросъ государя о Поповѣ генераль-губернаторъ доложилъ, что и Поповъ приглашенъ обѣдать.

За обѣдомъ, въ отсутствіи Попова и всего русскаго купечества, были подняты вопросы только о выгодахъ иностранцевъ и получены ими разныя привилегіи, а русское купечество, узнавши, что государь отказался отъ обѣда съ ними на русскомъ кораблѣ, было поражено глубокою скорбью, а хозяинъ корабля Поповъ, потерялъ зрѣніе. Послѣ того, русское купечество сколько ни подавало въ разныя министерства проэктовъ о поднятій на Сѣверѣ мореплаванія и торговли, всѣ они оставались безъ результата; несмотря иногда и на воспослѣдовавшія о разсмотрѣніи ихъ Высочайшія повелѣнія. Мѣстные губернаторы не только не помогали и не содѣйствовали осуществленію этихъ проэктовъ, но, напротивъ, *всѣми мѣрами тормозили и останавливали ихъ и тѣмъ мѣшали* тому творчеству народа Сѣвера, объ отсутствіи котораго, какъ выше сказано, высказался губернаторъ Казначеевъ.

Такъ, напримѣръ, на проектѣ объ устройствѣ торговаго флота на Сѣверномъ морѣ и порта на р. Печеньгѣ **) подъ названіемъ „Полярная Компанія“, поданномъ архангельскимъ, вятскимъ и вологодскимъ купечествомъ, мѣстный генераль-губернаторъ сдѣлалъ, по словамъ

*) Молчановъ, описаніе Арханг. губ. стр. 257.

**) У норвежской границы подъ 69° 40' сѣверной широты и 29° 30' восточной долготы, сѣвернѣе г. Колы на одинъ градусъ.

г. Богуслава, слѣдующую надпись: „тамъ могутъ жить два пѣтуха да три курицы“. Въ данномъ случаѣ это нельзя отнести къ помѣхѣ творчеству русскаго народа, а вѣрнѣе назвать „издѣвательствомъ“ надъ творчествомъ русскихъ людей въ дѣлѣ, представляющемъ весьма важное государственное значеніе.

Такое же творчество сѣвернаго народа—проектъ купца Латкина, представленный въ 1839 г., а утвержденный чрезъ 23 года, въ 1862 г., объ образованіи компаніи для открытія входа съ моря въ устья р. Печоры и вывоза изъ Печорскаго края драгоцѣннаго лиственничнаго лѣса въ русскіе военные порты по самой дешевой цѣнѣ, съ обращеніемъ избытковъ за границу. Разрѣшеніе этого проекта, какъ выше сказано, послѣдовало чрезъ 23 г. и въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ отпуска лиственницы, и, только благодаря настойчивому ходатайству у всѣхъ г.г. министровъ, компанію разрѣшено было составить тогда, когда многія лица, пожелавшія внести въ это дѣло милліоны, умерли, и, главнѣе всего, когда цѣнность и значеніе лиственничнаго лѣса упали, по случаю замѣны дерева желѣзомъ при кораблестроеніи. Кромѣ того, самое утвержденіе компаніи послѣдовало уже не на имя Латкина, а на имя капитана 1-го ранга (впослѣдствіи контръ-адмирала) Крузенштерна, выговорившаго себѣ $\frac{1}{5}$ часть доходовъ безъ взноса на производство дѣла капиталовъ, съ полученіемъ, кромѣ того, наличными деньгами 30.000 р., и независимо отъ этого, несмотря на то, что на печорское дѣло затрачено было безвозвратно—400.000 руб., Крузенштернъ взыскивалъ съ Латкина и К^о еще 26.000 руб.

Не довольствуясь вышеприведенными примѣрами, объясняющими, насколько *мѣшали* и даже *издѣвались* представители администраціи Архангельскаго Сѣвера надъ творчествомъ сѣверянъ въ дѣлѣ поднятія на должную высоту кораблестроенія, промышленности и торговли въ родномъ для нихъ Сѣверномъ Краѣ, не можемъ умолчать еще о слѣдующемъ выдающемся однородномъ обстоятельстве: архангельскій купецъ Ксанфій Сидоровъ за свою смѣлость заняться кораблестроеніемъ изъ собственнаго лѣса и за поѣздку въ 1837 г. въ С.-Петербургъ къ министру внутреннихъ дѣлъ для исходатайствованія его покровительства по этому проекту былъ совершенно разоренъ и доведенъ до нищеты. Когда Ксанфій Сидоровъ явился въ 1837 г. къ министру графу Григорію Александровичу Строганову, тотъ не только обласкалъ Сидорова за такую идею, но даже продалъ ему для этой цѣли свою собственную лѣсную дачу, находившуюся на р. С.-Двинѣ, въ Сольвыгодскомъ уѣздѣ. Встрѣтивъ такой пріемъ и полное покровительство такого государственнаго челоуѣка-патріота, Сидоровъ съ восторгомъ является въ Архангельскъ.

Такъ какъ для начала дѣла требовалось наличныхъ капиталовъ болѣе, чѣмъ располагалъ Сидоровъ, то онъ распорядился продать часть лѣса иностранцамъ и, получивъ деньги, отправился на мѣста заготовокъ лѣса, котораго и заготовилъ на сумму до 600.000 р.; но какъ только начали сплавлять лѣсъ съ мѣстъ порубокъ, то лѣсъ не допустили и до Архангельска, а въ разныхъ мѣстахъ по р. С. Двинѣ конфисковали подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ вырубленъ хотя и изъ дачи, проданной ему графомъ Строгановымъ, но что дача эта, находясь со смежнымъ удѣльнымъ лѣснымъ имѣніемъ, не была размежевана, и, что будто бы, еще неизвѣстно, кому долженъ принадлежать вырубленный лѣсъ. По такой причинѣ, кромѣ секвестра всего заготовленнаго лѣса, у Сидорова описано было и все принадлежащее ему недвижимое и движимое иму-

щество и продано съ публичнаго торгоу тѣмъ же самымъ иностраннымъ купцамъ за 13.500 р. Предприниматель Сидоровъ, не перенесши такого удара, вскорѣ скончался. Дѣло же о вырубленномъ имъ лѣсѣ для постройки кораблей въ дачѣ графа Строганова спустя 30 лѣтъ рѣшено было Вологодской Палатой уголовнаго и гражданскаго суда, которая, согласно съ рѣшеніемъ Сольвычегодскаго уѣзднаго суда, послѣ неоднократныхъ перемежеваній дачи признала, что вырубленный Ксанфіемъ Сидоровымъ изъ дачи Строганова лѣсъ долженъ принадлежать Сидорову, какъ составляющій неотъемлемую его собственность. По смерти Сидорова остались двѣ дѣвочки, вышедшія впоследствии замужъ—одна за сельскаго священника, а другая за крестьянина, бывшаго на службѣ кучеромъ какъ разъ у иностранной фирмы, раззорившей и отпавившей въ вѣчность извѣстнаго русскаго негоціанта Сидорова!!!...

Въ 1868 г. дѣло Ксанфія Сидорова поступило изъ Вологодской Палаты уголовнаго и гражданскаго суда во 2-й департаментъ Правительствующаго Сената; сколько лѣтъ потребовалось до времени постановленія Сенатомъ окончательнаго приговора по этому дѣлу, и чѣмъ оно было рѣшено никому неизвѣстно, такъ какъ некому было интересоваться—раззоренный русскій негоціантъ, извѣстный дѣятель въ своемъ родномъ Сѣверномъ Краѣ, обрѣтался уже въ могилѣ и въ ту же могилу ушла и послѣдняя попытка народнаго творчества—воскресить и поднять раззоренный коммерческій флотъ Архангельскаго Сѣвера!!!

Въ первой половинѣ 1868 года предсѣдателемъ 3-го отдѣленія Императорскаго Вольно-Экономическаго Общества С. С. Лашкоревымъ препровожденъ былъ архангельскому губернатору князю С. П. Гагарину проэктъ объ устройствѣ русскаго торговаго флота, преимущественно на Сѣверѣ, на предметъ распространенія его между архангельскимъ купечествомъ, съ цѣлью вызвать сочувствіе къ этому живому дѣлу, но проэктъ этотъ встрѣченъ былъ довольно холодно. Въ отвѣтъ на такое предложеніе въ архангельскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ помѣщена была небольшая замѣтка такого содержанія: хотя его сіятельствомъ въ общемъ собраніи гражданъ г. Архангельска 15 іюня 1868 г. и былъ предлагаемъ планъ для принятія участія въ полученіи акцій на предметъ взаимнаго поощренія торговли и мореплаванія на Сѣверѣ, но, къ сожалѣнію, не встрѣтилъ ни малѣйшаго сочувствія, и никто ни одной даже 10-ти рублевой акціи не подписалъ“!!! *)

Проэктъ объ образованіи въ Архангельскѣ частнаго городского банка изъ суммъ, принадлежащихъ городу, для развитія торговли архангельскаго русскаго купечества, представленный въ 1825 г. коммерціи совѣтникомъ Поповымъ, при самомъ усиленномъ его ходатайствѣ, получилъ разрѣшеніе чрезъ 20 лѣтъ, т. е. въ 1846 г., и едва ли не наканунѣ смерти инициатора его, Попова. Проэктъ этотъ не былъ бы утвержденъ, можетъ быть и до послѣдняго времени, если бы не поспособствовалъ ему слѣдующій исключительный случай.

Побуждаемый архангельскимъ купечествомъ къ болѣе энергичнымъ дѣйствіямъ по этому дѣлу, Поповъ явился съ просьбою къ министру внутреннихъ дѣлъ графу Л. А. Перовскому, который въ 1844 г. и распорядился послать эту просьбу на заключеніе архангельскаго генераль-губернатора маркиза де-Траверсе**), а послѣдній, по полученіи

*) Сидоровъ. Сѣверъ Россіи, стр. 188.

**) По затруднительности выговора фамиліи маркиза, мѣстное населеніе перефразировано по-своему это непонятное для него слово, замѣнивъ его словомъ русскимъ, для нихъ общепонятнымъ „Гдѣ трава растетъ“.

ея, пригласивъ къ себѣ на квартиру агентовъ шести иностранныхъ конторъ, находившихся въ то время въ Архангельскѣ, и руководствуясь ихъ мнѣніемъ, передалъ просьбу Попова въ Архангельскую городскую думу, внушивъ лично городскому головѣ, мѣстному купцу Куйкину, сдѣлать въ городской управѣ собраніе и составить приговоръ, что всѣ русскіе промышленники и граждане города Архангельска частнаго банка имѣть и пользоваться изъ него деньгами для ихъ торговыхъ дѣлъ не желаютъ и потому ходатайство Попова признаютъ для себя бесполезнымъ. Приговоръ въ такомъ родѣ и былъ составленъ и всѣми присутствовавшими въ собраніи подписавъ и генераль-губернаторомъ при своемъ заключеніи и представленъ былъ министру внутреннихъ дѣлъ. Министру, графу Перовскому, конечно, ничего не оставалось дѣлать, какъ объявить Попову отказъ въ его ходатайствѣ и тѣмъ навсегда прекратить всякую дальнѣйшую попытку на повтореніе подобнаго ходатайства объ открытіи въ Архангельскѣ частнаго коммерческаго банка. Но у гражданъ города Архангельска на этотъ разъ явилась смѣлость поправить это дѣло. Вскорѣ по представленіи приговора генераль-губернатору всѣ подписавшіе его, въ числѣ 400 человекъ, совершили формальную для маклерскихъ дѣлъ довѣренность на имя Попова, конечно, подъ большимъ секретомъ отъ шести агентовъ иностранныхъ конторъ и генераль-губернатора и послали ее въ Петербургъ къ Попову для ходатайства предъ графомъ Перовскимъ, извѣстнымъ тогда русскимъ патриотомъ. Въ довѣренности Попову, между прочимъ, было выяснено, что приговоръ подписанъ былъ ими въ собраніи думы по приказанію генераль-губернатора, единственно изъ опасенія, что съ ними, гражданами, онъ можетъ сдѣлать все, что ему заблагоразсудится. Графъ Перовскій, прочитавъ всѣ бумаги и довѣренность Попову, предложилъ маркизу де-Траверсе немедленно распорядиться учрежденіемъ въ Архангельскѣ коммерческаго банка. Впрочемъ, и съ открытіемъ этого банка въ 1847 г. для пособія русскому купечеству, положеніе послѣдняго не могло уллучиться, по случаю включенія въ уставъ этого банка такихъ стѣснительныхъ для кредитующихся лицъ условій и ограниченій, что отъ нихъ приходили въ изумленіе всѣ учрежденія, о чемъ впослѣдствіи и напечатано было въ архангельскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ въ № 56 отъ 13 іюня 1868 года. Существовавшее и тогда отдѣленіе государственнаго банка выдавало болѣе значительныя суммы только подъ векселя иностраннаго купечества, которое, съ своей стороны, получивши деньги за небольшіе проценты, ссужали ими русскихъ купцовъ, и только, *по ихъ усмотрѣнію, избранныхъ*, за проценты, уже гораздо большіе. *)

Какъ смотрѣли начальники края на русскихъ купцовъ, такъ же точно изъ угожденія имъ поступали и всѣ подчиненные имъ служащіе. Тѣ же чиновники, которые оказались несогласными съ ихъ взглядомъ, обходились наградами, чинами и орденами и лучшими мѣстами, и въ концѣ концовъ оставляли свою службу въ Архангельской губерніи. При подобныхъ условіяхъ можно себѣ представить, въ какомъ положеніи находилась мѣстная юстиція, и въ особенности тяжёбныя дѣла русскихъ купцовъ съ иностранцами. Въ гражданскихъ дѣлахъ по искамъ извѣстенъ былъ по многочисленнымъ судебнымъ процессамъ архангельскій 1 гильдіи купецъ Онегинъ, который былъ очень состоятельнымъ купцомъ, но своими судебными дѣлами былъ совершенно раззо-

*) Сидоровъ. Сѣверъ Россіи, стр.: 188, 189 и 190.

режь и умерь въ нищетѣ. Впослѣдствіи русскіе купцы съ иностранцами и дѣль судебныхъ по возможности избѣгали, оставаясь разсчетами *довольными*, какъ бы они ни были бы для нихъ обидны.

Иностраннаго вліянія не избавилась и архангельская казенная гимназія. Нерѣдко нѣкоторые учителя гимназіи въ началѣ 40-хъ годовъ учениковъ происхожденіемъ изъ русскаго купечества (хотя ихъ было очень немного) за не удачныя ихъ отвѣты въ урокахъ называли „*русскою тварью*“. При такихъ условіяхъ рѣдко кому изъ такихъ учениковъ приходилось оканчивать полный гимназическій курсъ. А тѣ изъ нихъ, которые кончали курсъ, то съ единственною цѣлью оставить позорное въ то время званіе купца и выйти въ чиновники *), для чего предоставлены были лестныя для молодыхъ людей права: они поступали на коронную службу на должности уѣзднаго учителя, освобождались отъ податнаго состоянія и чрезъ 4 года производились въ чинъ XII класса. Такимъ путемъ уменьшалось число лицъ, участвующихъ въ мѣстной промышленности, и увеличивалось число чиновничьяго элемента, а отъ этого, конечно, уменьшалось и богатство народное.

Какъ искоренялось русское купечество, такъ точно искоренялись всѣ зажиточные жители сѣвернаго поморья. Мореходовъ старались обратить въ землепашцевъ, привлекая сначала къ тому разными подарками, а потомъ ссудами сѣмянъ и хлѣба на продовольствіе. Когда отъ неурожаевъ хлѣба образовались значительныя казенныя долги на крестьянахъ, тогда управляющій палатою государственныхъ имуществъ Л. О. Любовицкій, по отзыву лицъ, ближе его знавшихъ, пріятель и близкій другъ извѣстнаго въ 60-хъ годахъ, во время польскаго возстанія польскаго агитатора *Огрызко*, проживавшій съ послѣднимъ продолжительное время въ Петербургѣ до пріѣзда въ Архангельскъ на одной квартирѣ, распорядился продавать за недоимки мореходныя суда, рыболовныя сѣти, скоть, имущество и даже дома. На просьбы бѣдняковъ о выдачѣ хлѣба на продовольствіе семействъ, вмѣсто помощи и хотя бы надеждъ и утѣшенія, Кемскій окружной начальникъ *Фризе* (тоже полякъ) со своими помощниками на сходахъ во всѣхъ 17 приморскихъ волостяхъ, не стѣсняясь, кричали: „*если нѣтъ хлѣба, то шьте ситъ; а если умрете съ голоду, то и безъ васъ у государя останется еще довольно людей*“. Нельзя умолчать при этомъ объ одномъ эпизодѣ, случившемся съ однимъ изъ приближенныхъ къ Лю-

*) Такъ случилось съ племянникомъ упомянутаго выше купца Ксанфія Сидорова, Михаиломъ Сидоровымъ. Безцеремонное и грубое обращеніе съ нимъ одного изъ учителей гимназіи, поляка Гутковскаго и, вообще, съ русскими учениками и упреки словами „*русская тварь*“ вынудили Сидорова оставить гимназію, не окончивъ курса, и заняться дѣлами своего дяди, намѣревавшагося заняться постройкою кораблей. Но не прошло и двухъ лѣтъ со времени оставленія Сидоровымъ гимназіи, какъ директоръ училищъ Архангельской губерніи Никольскій, хорошо зная, что все состояніе его отца, производившаго въ архангельскомъ портѣ обширную торговлю, на третій день его смерти по проискамъ иностранныхъ купцовъ перешло въ руки послѣднихъ, и зная, что и его дядю Ксанфія Сидорова постигла та же участь, изъ чувства состраданія къ Сидорову предложилъ ему поступить на службу въ его канцелярію. При многихъ учителяхъ онъ началъ убѣждать Сидорова выйти изъ купческаго сословія, которое въ то время считалось, по его убѣжденію, „*позорнымъ*“ и держать экзаменъ на уѣзднаго учителя, предлагая дать должность или состоять вторымъ надзирателемъ за воспитанниками Архангельской гимназіи безъ жалованья, рѣшаясь даже создать эту должность для Сидорова, или по крайней мѣрѣ предоставить ему возможность получить дипломъ на домашняго учителя, только чтобы избавить его отъ необходимости именоваться „*сыномъ русскаго купца*“. Убѣдившись такими доводами, Сидоровъ и выдержалъ экзаменъ на званіе домашняго учителя.

бовицкому лицѣ: по прїѣздѣ въ Архангельскѣ Любвицкимъ привезенъ былъ нѣкто *Рутковскій*, который тотчасъ же и получилъ назначеніе по службѣ въ палатѣ на должность казначея. Нужно замѣтить при этомъ, что въ то время реформы объ единствѣ кассъ еще не существовало, и по прежнимъ порядкамъ былъ свой контроль, сосредоточивавшій свою дѣятельность въ спеціальному отдѣленіи подъ названіемъ „контрольнаго“. Совѣтникомъ этого отдѣленія былъ полякъ *Барановскій*, а ближайшимъ его помощникомъ тоже полякъ и его зять *Козловскій*. Такимъ образомъ, съ назначеніемъ Рутковскаго казначея палаты, въ распоряженіи которой находились въ то время значительныя суммы, состоящія изъ залоговъ по лѣснымъ операціямъ, и въ особенности суммы продовольственнаго капитала, иногда весьма значительныя, доходившія до полмилліона руб.—образовался цѣлый тріумвиратъ изъ поляковъ: Барановскій, Козловскій и Рутковскій, въ вѣдѣніи которыхъ и находились всѣ находившіяся въ палатѣ капиталы.

Прослуживъ въ палатѣ не болѣе 2—3-хъ лѣтъ, Эмилиі Карловичъ Рутковскій, очень изъ себя симпатичный, ловкій, первый мазуристъ на танцахъ въ клубѣ, былъ принятъ въ лучшихъ домахъ города и числился уже женихомъ дочери члена портовой таможни А. П. Плыщевскаго. Свадьба отлагалась до полученія Рутковскимъ производства въ первый классный чинъ, но неоднократныя представленія Любвицкаго о производствѣ Рутковскаго въ первый классный чинъ удовлетворяемы не были, за не оказательствомъ какихъ-то необходимыхъ для этого документовъ. Въ одно 20-е число лѣтняго мѣсяца Рутковскій, отправившись въ казначейство за деньгами для выдачи жалованья чиновникамъ палаты, не прїѣзжаетъ до самаго вечера и ожидавшіе его сослуживцы чиновники только вечеромъ и случайно узнали, что Рутковскаго видѣли на ушедшемъ въ тотъ же день въ Соловецкій монастырь пароходѣ. Отправленная на другой же день за Рутковскимъ погоня, въ лицѣ совѣтника палаты Ф. П. Неронова, настигла Рутковскаго уже въ г. Кеми совершенно подготовленнымъ для дальнѣйшаго своего путешествія за границу—въ Норвегію. Денегъ при немъ не оказалось, по отзыву Рутковскаго, всѣ деньги имъ переданы были его пріятелю въ Архангельскѣ чиновнику *Хоменко*, который, конечно, при слѣдствіи отъ всего отперся. Рутковскаго по приговору суда сослали въ Сибирь, а вопросъ о деньгахъ, сколько ихъ было, пополнилъ ли ихъ Любвицкій или нѣтъ, эта часть дѣла осталась для всѣхъ интересующихся terra incognita.

Довольно замѣчательная судьба постигла и Любвицкаго, скончавшагося скоропостижно. Тѣло его отправлено было въ свинцовомъ гробу для погребенія на его родинѣ, въ одной изъ западныхъ губерній, зимнимъ путемъ на нанятой для того подводѣ, которая отправлена была въ общемъ транспортѣ подводъ, нагруженныхъ семгой и другой рыбой и дичью—предназначенныхъ въ Москву и Петербургъ. Во время пути ямщики транспорта-обоза, какъ это и всегда у нихъ заведено, собравшись въ одну толпу, шли съ обозомъ, но не въ концѣ обоза, а съ боку. Обозъ изъ нѣсколькихъ десятковъ подводъ двигался по дорогѣ, чѣмъ и воспользовались спеціалисты по этой части—при раздѣленіи дороги, они отвели отъ конца обоза нѣсколько подводъ на другую дорогу и воспользовались всѣмъ товаромъ, бывшимъ на тѣхъ подводахъ, въ томъ числѣ былъ и гробъ съ прахомъ Любвицкаго. Въ Архангельскѣ находилась его дочь замужемъ за штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ полковникомъ Гарновскимъ, который, несмотря на всѣ поиски

гроба съ прахомъ своего тестя, никакихъ слѣдовъ розыскать не могъ. Такъ окончилось господство поляковъ на Сѣверѣ, изъ которыхъ, какъ потомъ оказалось, конечно, по слухамъ, Рутковскій былъ изъ ксендзовъ, бѣжавшихъ изъ западныхъ губерній съ назначеніемъ туда генераль-губернаторомъ графа Муравьева.

Кирь Козминъ.